

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Перстень Калиостро

«Автор»

Александрова Н. Н.

Перстень Калиостро / Н. Н. Александрова — «Автор»,
— (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Обнаружить в своей квартире труп незнакомого мужчины – это как минимум страшно. Хозяйка квартиры Мария пребывает в полной растерянности. Зачем незнакомец проник в ее дом? Грабеж? Но что можно украсть у нищей интеллигентки? И, кстати, кто убил грабителя? Мсть? Но Марии некому мстить. Даже с бывшим мужем она разошлась по-хорошему... Милиция в полном недоумении. Мария решает провести собственное расследование – и вскоре понимает: преступники охотились за ее единственной драгоценностью – фамильным перстнем, согласно легенде обладающим магическими свойствами. Более того, охота еще не закончена...

© Александрова Н. Н.

© Автор

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Александрова

Перстень Калиостро

* * *

На набережной Обводного канала длинными рядами тянутся кирпично-расные заводские и складские корпуса. Солнечным июньским утром к одному из пустующих заводских складов на Обводном подъехала темно-синяя иномарка с затемненными стеклами. Из нее вышли четверо смуглых мужчин угрюмой и подозрительной наружности. Пройдя через незапертые ворота в помещение склада, они осмотрелись. Сквозь растрескавшийся асфальт пробивалась бледная трава, здесь и там валялись ломаные ящики и другая тара, ржавые трубы, рваные крышки, неисправный сварочный аппарат с газовым баллоном.

В самом углу дремала на солнышке старуха-бомжиха в невероятно грязных лохмотьях, возле нее валялись авоська с пустыми бутылками и рваная торба с нищенскими пожитками.

– Эй, бабка, вали отсюда! – гаркнул один из пришедших.

Бомжиха в ответ глянула мутным глазом, пробормотала что-то невнятно, но даже и не подумала встать.

– Вышвырни ее отсюда, Самвел! – распорядился старший из четверых.

Самвел приблизился к старухе, но тут же отшатнулся с отвращением:

– Рустам, к ней и подойти-то противно, не то что дотронуться! Я потом месяц не отмоюсь. Пусть старая рухлядь дрыхнет, кому она нужна! – Он брезгливо пнул бомжиху ногой.

Снаружи послышался шум подъезжающей машины, и Рустам, досадливо махнув рукой, пошел к воротам. С улицы вошел худощавый молодой человек в черных джинсах и футболке и с кожаным кейсом в руке. Один из четверых ранее прибывших профессионально ощупал его, проверяя, нет ли оружия.

– Чист, – коротко бросил он Рустаму.

– Покажи товар, – хрипло потребовал тот.

Парень в черном открыл кейс. Там аккуратными рядами лежали пачки с белым порошком. Шеф вскрыл один из пакетиков, хозяин кейса, бросив взгляд на бомжиху, вынул из кармана джинсов носовой платок и прижал его к лицу. Шеф недоуменно покосился на него, но смолчал, решив, что поставщик сам злоупотребляет белым снадобьем и поэтому страдает характерным для наркоманов хроническим насморком.

Все участники операции обступили кейс, и никто из них не заметил, как бомжиха, с необычайной для своих лет ловкостью перекатившись через бетонный поребрик, залегла в углублении. Там она вытащила из своей торбы маску кислородного аппарата и, прижав ее к лицу, повернула вентиль лежавшего на полу склада не вызывавшего никаких подозрений газового баллона.

Пока Рустам брал белый порошок на кончик ножа и пробовал его языком, на свободу с негромким шипением вырвался бесцветный газ. На лице Рустама отразилось сомнение, и он лизнул порошок еще раз. Теперь сомнение исчезло, он был уверен в своем первом впечатлении, и на его лице выразилось злобное недоумение: на что рассчитывает этот щенок? У него что, две жизни в запасе?

– Ты, собака, что мне подсунуть хочешь?

Парень по-прежнему стоял, прижимая к лицу платок. Почувствовав неладное, Рустам обернулся. Старуха исчезла, от нее осталась только авоська с бутылками. Пытаясь понять, что его тревожит, Рустам, как затравленный зверь, огляделся по сторонам.

И вдруг Самвел, стоящий чуть в стороне от остальных, чтобы держать под наблюдением ворота склада, закашлялся, широко выпучил глаза и рухнул на пол. Тут же сам Рустам почувствовал невыносимое жжение в горле, в глазах его начало темнеть... он увидел, как его ребята, кашляя и крича от боли, падают рядом с ним, как подрезанные снопы. Последним усилием, собирая в кулак остатки воли, Рустам ударил парня с кейсом ножом, на котором остались еще крупинки соды.

Этот гад собирался всучить ему соду... И сознание Рустама померкло навсегда.

Закрепив кислородную маску, «бомжиха» перебралась через бруствер. Четверо кавказцев лежали на полу склада, как подгулявшие казаки в Запорожье. Парень в черном стонал, зажимая рукой глубокую ножевую рану под ключицей. «Старуха» приблизилась. Ее спортивная пружинистая походка выдавала молодую тренированную женщину. Она подняла чемоданчик Рустама, открыла его, увидев аккуратные зеленоватые пачки, удовлетворенно кивнула и защелкнула замки. Раненый на полу жалобно стонал, умоляюще глядя на нее из-под платка. Покосившись на торбу со второй кислородной маской, женщина поморщилась, потом нагнулась к раненому и резким движением выдернула у него спасительный платок. Парень коротко охнул, и глаза его безжизненно закатились.

Вернувшись к своему временному укрытию, женщина завернула кран одного баллона и открыла другой – с обычным пропаном. Затем она взяла небольшую канистру и пошла к задней двери склада, оставляя за собой узкую бензиновую дорожку. Выйдя в тихий переулок, она огляделась и чиркнула спичкой. Огненная дорожка побежала по ее следу обратно на склад. Быстро завернув за угол, женщина подошла к белой «восьмерке», и тут у нее за спиной прогремел взрыв.

Сев в машину, она с отвращением стащила грязные лохмотья, надетые поверх черного спортивного костюма. Затем, достав флакон с косметическим молочком, она деловито сняла грим. Теперь в маленьком зеркальце отражалось яркое выразительное лицо тридцатилетней женщины. Она вставила ключ в зажигание.

На условленном месте «восьмерка» притормозила, и на переднее сиденье сел мужчина.

– Как все прошло?

В ответ женщина кивнула на черный чемоданчик Рустама.

– Где Валера?

– Он не справился.

Мужчина понимающе кивнул.

– Сколько их было?

– Четверо, – бросила женщина, не поворачивая головы.

– Плюс Валера. Должно быть пять тел. А найдено четыре.

На этот раз женщина удивленно повернулась.

– Следи за дорогой, не хватало еще сейчас в аварию попасть, – жестко проговорил ее спутник, показав глазами на черный чемоданчик. – Как бы там ни было, но одного нет. Если это Валера, мы скоро узнаем.

– Это не Валера, – бросила женщина.

– Значит, нам придется принять меры.

– Ты уверен, что там только четыре труп?

– Уверен. Пожарные работали тщательно.

Боль пульсировала во всем теле Аслана. Она казалась ему живым кроваво-красным шаром. Этот шар то сжимался, становясь твердым и маленьким, как детский кулачок, то раздувался, как огромный аэростат. Казалось, прошли долгие годы, пока он начал что-то сознавать помимо этой боли. Первое, что он понял: раз он чувствует боль, следовательно, он еще жив. Потом, спустя некоторое время, показавшееся ему вечностью, наполненной пульсирую-

щей болью, хотя на самом деле прошло всего несколько минут, он начал слышать звуки окружающего мира. До него донеслось шипение водяных струй, сбивающих пламя, треск рушащихся балок и перекрытий. Потом он услышал голоса пожарных, которые начали обход помещения в поисках случайно уцелевших жертв.

Случайно уцелевшая жертва – это он, Аслан. Когда он почувствовал жжение в горле, когда потемнело в глазах, и ноги подкосились, невероятно развитый в нем инстинкт самосохранения взял на себя роль угасающего сознания. Из последних сил Аслан откатился в дальний угол склада, к самой стене, и вжался в бетонный пол, пытаясь скрыться от везде проникающей смерти. Прогремел взрыв, бетонная стена рухнула, широкая плита накрыла Аслана сверху, как крышка гроба. Он лежал в выбоине бетонного пола, и это спасло ему жизнь. В пролом стены проник свежий воздух, легкие Аслана втягивали его, как саму жизнь.

И вот теперь, когда сознание медленно возвращалось в полуживое тело, он услышал шаги и голоса приближающихся пожарных. Ему захотелось крикнуть, дать о себе знать, отдать себя в руки других людей... Погрузиться в блаженное беспмятство, забыться, пока его везут в больницу... Он крикнул, но получилась чуть слышный хриплый стон. А инстинкт самосохранения уже диктовал ему другое: затаиться, скрыться, уползти куда угодно. Все люди вокруг него – враги, никому нельзя доверять. Сначала они отвезут его в больницу, но потом вместо врачей появится следователь, а дальше всплывет все его прошлое, тянущийся за ним кровавый след. Смертной казни сейчас нет, но зона на долгие годы ему обеспечена. И, подавив слабый стон, Аслан собрал в кулак остатки своей воли и пополз к тому пролому в стене, который сегодня один раз уже спас ему жизнь...

Они дежурили в аэропорту уже неделю. Бесконечные вереницы лиц, проходивших перед глазами, слились в одно лицо – без пола, без возраста, без национальности... Шеф уверенно сказал, что человек, которого они ищут, должен появиться здесь, – кавказцы были гастролерами, в городе у них никого нет, уцелевшему члену группы отсидеться не у кого. Он полетит обратно к себе на юг, к своим. Им раздали фотографии всех гастролеров – на всякий случай, хотя предположительно было известно, что не найден труп Аслана Теймуразова, однако после пожара нельзя было полагаться на результаты опознания. Шеф предупредил их, что Аслан – опытный хитрый боевик, что он наверняка будет загримирован, поэтому они подолгу и тщательно всматривались в каждое мужское лицо.

Они работали в две смены, сменяя друг друга, группами по трое. Со дня взрыва на Обводном прошла уже неделя, и они все меньше и меньше верили в то, что Аслан придет в аэропорт. Возможно, пожарные просто не нашли его труп... или он уполз оттуда, умирающий, и сдох где-нибудь в подвале неподалеку от места пожара или лежит на дне Обводного канала...

Но шеф настаивал, он считал, что Аслан жив и еще в городе, а выпустить его к своим никак нельзя: кавказцы не оставят подставу на Обводном безнаказанной, они пришлют карательную группу – отомстить за смерть своих людей и отобрать деньги. Поэтому от бойцов, дежуривших в аэропорту, требовалась бдительность, бдительность и еще раз бдительность.

Объявили посадку на самолет до Махачкалы – один из самых вероятных рейсов для Аслана, поэтому каждое лицо осматривали особенно внимательно. Пока все было спокойно.

У другой стойки в дальнем конце зала проходила регистрация пассажиров рейса на Мурманск. Бойцы посматривали туда, но не так пристально – не разорваться же!

Они совершенно не обратили внимания на пожилую таджичку с лицом, закрытым до самых глаз темным платком. Старая сгорбленная женщина несла в руке потертый чемоданчик. Пройдя регистрацию и скрывшись из поля зрения наблюдателей, таджичка неуловимо изменилась. В ее движениях появилась гибкая грация хищного зверя, и хотя она продолжала горбиться, чтобы не привлекать к себе внимания, ее шаги стали гораздо увереннее и быстрее. Выйдя на летное поле, женщина быстро перебежала к другому выходу и пристроилась к группе

пассажиров рейса на Махачкалу. Возле самолета стюардесса потребовала у нее посадочный талон. Бубня что-то невразумительное, таджичка протянула ей билет.

– Вы что, гражданка, регистрацию не прошли? – удивилась стюардесса. – Почему у вас билет на руках?

Старуха мотала головой и все совала стюардессе свой билет.

– Павел Николаевич! – крикнула стюардесса проходившему второму пилоту. – Тут бабка какая-то дикая, по-русски ни слова не понимает, регистрацию не прошла...

– Билет есть? – спросил красавец-пилот.

– Билет-то есть...

– Тогда черт с ней, пропусти, не задерживать же рейс из-за нее. Ох уж эта мне Средняя Азия...

«Старая таджичка» облегченно вздохнула и заняла свое место в самолете.

Бойцы, дежурившие в аэропорту, кроме визуального наблюдения, снимали проходящих регистрацию пассажиров скрытой камерой. После смены каждой группы шеф просматривал снятую пленку. Этот день не был исключением. Обычно он смотрел в ускоренном темпе, но сейчас вдруг замедлил просмотр, а потом вернул запись назад. На экране мелькнули пассажиры, направляющиеся в Мурманск.

– Взгляни на старуху, – шеф повернулся к старшему группы, – ты видишь, как она осматривает зал?

Лицо старой таджички было закрыто платком, но глаза зорко и внимательно пробежали по всему помещению аэропорта.

– Куда вы смотрели! – В голосе шефа прозвенел металл. – Ты что, не видишь, что это глаза мужчины, причем боевика!

– Хорошо вам говорить, вы захотели – отмотали пленку назад, а у нас там тысяча человек мелькала! И это мурманский рейс, а вы сказали – на Махачкалу смотреть внимательнее...

– Вот так! Он как раз и воспользовался тем, что на Мурманск и Махачкалу регистрация одновременно, купил два билета, зарегистрировался на мурманский рейс, а полетел в Махачкалу. Ладно, после драки кулаками не машут. Снимай пост, птичка улетела.

– Женщина там была, нищенка... Рустам хотел ее выкинуть, да побрезговал – грязная больно... Видно, она и отравила всех газом.

– Как же ты жив остался? – Чернобородый собеседник сверлил Аслана злым взглядом.

– Я не знаю, Тенгиз, сердцем пророка клянусь, я тоже чуть не помер, а потом все взорвалось, и дышать легче стало. Ты же не думаешь, Тенгиз, что я стукач? Ты же не думаешь, что я Рустама продал?

– Не знаю, не знаю. – Взгляд чернобородого оставался недоверчивым. – Я тебя проверю, глаз не спущу, пока проверять буду. Нищенка, говоришь? У, если это та баба, на которую я думаю, – я ее из-под земли достану и обратно туда живую закопаю... Чтобы она, сволочь, умереть хотела, а не умирала, чтобы она смерти, как милостыни, просила... Она мне за брата ответит и деньги все вернет, и еще просить будет, чтобы я их у нее взял. Ты, Аслан, на меня не обижайся. Ты парень хороший, не трус, но все ребята погибли, а ты один остался, это подозрительно. Ты возьмешь троих парней и снова туда полетишь, разберешься с бабой и деньги вернешь. Сделаешь все как надо – век тебя не забуду, а не сможешь – лучше не возвращайся.

Аслан смотрел в глаза чернобородому, не отводя взгляда.

– Все сделаю, Тенгиз, как ты сказал. Я тебя понимаю: брата потерять – что может быть страшнее для мужчины. Но только зря ты на меня подозрения держишь. Я никогда предателем не был, сердцем пророка клянусь.

Прошло пять лет...

С некоторых пор у меня вошло в привычку отдыхать на площадке третьего этажа. Дом у нас без лифта, я живу на последнем этаже – пятом. Раньше я пробегала от почтовых ящиков до своей квартиры минуты за три. Но это было раньше, очень давно, в прошлом году.

Оглядевшись, я ногой сдвинула окурки и поставила сумки в угол почище. Сердце не очень колотилось, просто немного кружилась голова, и ныло в правом боку. Это от слабости, сейчас постою немного, и все пройдет. Пожалуй, с сумками я сегодня погорячилась, не надо было набирать столько овощей. Они самые тяжелые. Но зато и самые дешевые, теперь у нас с Лешкой есть продукты дня на три. Завтра можно вообще не выходить на улицу, посидим с Лешкой на балконе.

Может быть, зря я не взяла его сегодня с собой на рынок, помог бы нести, уже большой мальчик, скоро шесть лет. Но нет, там столько соблазнов – резинки, игрушки, конфеты. Лешка не стал бы просить, он все понимает, но я сама бы не удержалась, а денег до следующей недели осталось впритык, еще надо обязательно заплатить за квартиру. Так что Алексей сейчас гостит у Тамары Васильевны с четвертого этажа, ее квартира прямо под нами. Тамара поит его чаем и разрешает играть со своим котом.

Я постояла еще немного, поглядела в окно на деревья, покрытые почками, – май месяц, но весна в этом году поздняя, холодная. И настроение у меня соответствующее. Абсолютно не весеннее, ну да что об этом зря думать.

Проходя мимо квартиры Тамары Васильевны, я заколебалась: не зайти ли за Лешкой прямо сейчас. Но потом сообразила, что Тамара не отпустит так просто, усадит пить чай, замучает разговорами, а у меня желание только одно: избавиться от проклятых сумок и плюхнуться на диван. Так что я из дома позвоню Тамаре, что пришла, и Лешка мигом прибежит.

Я с облегчением перевела дух, поставила сумки у своей двери и достала ключи. Ключ вошел в замок легко, но дальше заело. Что ж, дело привычное, этот замок давно уже барахлит. Я собралась с силами, легонько повернула ключ вправо, а саму дверь попыталась приподнять. Наконец-то! Я по инерции вставила ключ в замок второй двери, но это оказалось ненужным – дверь была незаперта. Что такое? Я же точно помню, что мы с Лешкой закрыли все замки. У меня вообще пунктик: перед уходом из дома, даже ненадолго, я проверяю все краны, форточки, газовые горелки и замки.

По идее, надо было спуститься к Тамаре Васильевне и позвать на помощь, но я представила, как опять тащу проклятые сумки сначала вниз, а потом вверх, и решительно толкнула дверь.

В моей прихожей лежал человек. Вернее, ноги его находились в прихожей, а голова – в комнате, так что по ногам, обутым в кроссовки, я могла догадаться, что это мужчина. В квартире было тихо. Я осторожно вошла в прихожую и закрыла за собой дверь, потом достала носовой платок и прикоснулась к выключателю. Электричество было, прихожая озарилась тусклым светом лампочки в 60 Вт. Ноги не подавали признаков жизни. Я прошла вдоль ног в маленький коридорчик, с трудом протиснувшись в проем со своими сумками, закинула торбы на кухню и только тогда поглядела человеку в лицо. Это был мужчина, довольно молодой и бедновато одетый – куртка из кождама, кроссовки советские и далеко не новые. Лицо у мужчины было белого цвета с таким сероватым оттенком, что в памяти моей всплыло слово «алебастр». Глаз его я не видела, так как голова была повернута лицом к стене, но почему-то сразу поняла, что человек мертв.

Если вы думаете, что я пришла в ужас, заорала и забилась в истерике, то глубоко ошибаетесь: после всего того, что со мной случилось за последний год, я на всякие неприятные неожиданности реагирую спокойно. Поэтому я спокойно убрала в холодильник скоропортящиеся продукты, потом спокойно позвонила Тамаре Васильевне и попросила ее посидеть с

Лешкой еще часик, и только после этого набрала номер милиции, причем не «02», а номер именно нашего 52-го отделения, которое находилось в двух кварталах от моего дома.

Может, вам интересно, откуда я знаю номер своего отделения милиции? Долго рассказывать, а вообще-то мне его дала Тамара Васильевна, когда полгода назад у нее прямо на лестничной площадке какие-то типы отобрали пенсию. Тамара не растерялась, вошла в квартиру, потому что ключи у нее были в потайном кармане пальто, сразу же позвонила в милицию, подробно описала там грабителей – те, видно, решили, что бабка со страху их не запомнит, и не очень скрывались. И можете себе представить наше изумление, когда через два часа трое милиционеров на машине торжественно привезли Тамаре ее сумку. Правда, пенсии в сумке не оказалось, зато было пенсионное удостоверение и паспорт, поэтому Тамара Васильевна очень обрадовалась и прониклась уважением ко всем сотрудникам нашего славного 52-го отделения милиции.

Значит, я набрала номер и, на мой взгляд, весьма толково объяснила дежурному, по какому поводу звоню. Тот, однако, меня не понял, вернее, понял, но неправильно: он решил, что я его разыгрываю. Он заговорил со мной на повышенных тонах. Я тоже вышла из себя. В последнее время меня может вывести из себя любой пустяк, а тут все-таки труп в собственной прихожей. Точнее, труп-то я восприняла спокойно. Потому что он лежал себе и молчал, но вот когда на меня повышают голос, я реагирую неадекватно.

Дежурный наконец понял, что я не шучу, и сказал, что они приедут как только, так сразу. Я опять позвонила Тамаре Васильевне. Сказала, чтобы она ни в коем случае не выпускала Лешку, пусть хоть привяжет его к ножке кровати. Тамара по моему голосу поняла, что случилось несчастье, но расспрашивать не стала, поинтересовалась только, как я. Я ответила, что пока ничего.

За что уважаю Тамару Васильевну, так это за ее нелюбовь к сплетням. Она не сидит с бабками на лавочке у парадной и вообще с ними не знает. И со мной тоже разговаривает только на отвлеченные темы, в душу не лезет. Неплохая старушенция!

Труп в коридоре мне очень мешал, потому что приходилось все время мимо него протискиваться – то по телефону позвонить, то в туалет, то руки помыть. Милиции все не было, и мне вдруг пришла в голову мысль, что же, собственно, этот тип делал в моей квартире? Кто его убил и почему? Если это грабитель, то что у меня можно взять? И я наконец сообразила пройти в комнаты и посмотреть, что там происходит. Квартирка у меня маленькая. Одна комната проходная, потом идет комната, где спит Лешка, а в углу есть еще маленький закуток, называемый «тещиной» комнатой. Тещи у нас там нет, а стоит старый бабушкин комод. И в этом комодe в самом нижнем ящике лежала раньше одна вещь, которая была единственной ценностью в моей квартире. С замирающим сердцем я вошла в «тещину» комнату. Все ящики комода были выдвинуты, и среди кучи старых Лешкиных штанишек и рубашек, которые я помаленьку извожу на тряпки, валялся его шерстяной носок, в который я прятала вещь. И что бы вы думали? Носок оказался пустой, но вещь лежала тут же, на виду, никуда не делась.

Все деньги, которые у меня на данный момент были, я носила с собой в кошельке. В секретере лежал паспорт и Лешкино свидетельство о рождении, а также абсолютно ненужное мне теперь свидетельство о браке. Но вот остальные вещи в секретере все были перевернуты. Откровенно говоря, лежало там у меня всякое барахло: старые фотографии, Лешкины рисунки, его поздравительные открытки, которые он сам разрисовывал мне к Восьмому марта, – и вот все это было разбросано по комнате. Нижнее отделение секретера, где хранились Лешкины книжки, тоже все было выворочено. Книжный шкаф в проходной комнате носил явственные следы погрома, как это я сразу не заметила. Больше того, две коробки из кладовки тоже были вынуты и раскрыты, а ведь в них хранились только зимняя обувь и мои старые коньки. Пока я в недоумении стояла над всем этим безобразием и пожимала плечами, раздался звонок в дверь.

– Милиция! – зычно крикнули с лестницы. – Открывайте! – Как будто не слышали, что я и так уже открываю.

Вошли двое: один молодой, здоровый, толстый даже, рожа красная – кирпича просит. Второй постарше, похудее, но тоже противный. Пахло от него кислым запахом дешевых сигарет. Этим запахом пропиталось у него все: одежда, волосы, даже лицо было какого-то табачного цвета.

– Ну, – спросил мордатый, не поздоровавшись, – что тут у тебя?

Я молча посторонилась. Они прошли в прихожую, тот, что постарше, протиснулся мимо трупa, присел на корточки и заглянул в лицо. Потом он поморщился, подхватил труп под мышки и постарался перевернуть. Вот оно что! Раны на левом боку я не разглядела, но сквозь распахнувшуюся куртку было видно, что слева рубашка вся красная от крови. Темное пятно было и на коврике в прихожей.

– Ножом тут орудовали, – спокойно сказал мент, а мордатый повернулся ко мне и гаркнул:

– А ну говори, за что хахаля прирезала! От неожиданности я вздрогнула и отшатнулась, а он вдруг попер на меня, как асфальтовый каток, выплевывая вопросы:

– С чего поругались? Куда нож выбросила? Когда все случилось?

Я молчала и только пятилась. Так мы прошли всю проходную комнату и оказались в маленькой. Он все наступал на меня, и наконец я уперлась спиной в стену. Все, дальше отступать было некуда. Он продолжал орать, а я постаралась собраться с мыслями. Его вопли не вызвали у меня ничего, кроме лютой злобы – я уже говорила, что на крик реагирую неадекватно. Ответными криками мне его не взять, глотка-то у него покрепче будет. Хорошо бы его чем-нибудь стукнуть, но нельзя – милиция все-таки. А кстати...

– Вы забыли, – вклинилась я в монолог мордатого.

– Чего? – недоуменно воззрился он на меня.

– Вы забыли предъявить документы. Вы же из милиции, – пояснила я, – вот и предъявите документы.

– Ах ты!.. – Мордатый выругался матом.

– Иван! – послышалось из прихожей. – Полегче... – Из чего я сделала вывод, что прокурорный является в их маленькой группе старшим.

Мордатый сунул мне под нос красную книжечку.

– Федоров Иван Андреич, – прочитала я. – Вам первопечатник не родственник?

– Вот что, Михалыч, – обратился мордатый к своему коллеге, – мне это надоело, давай протокол составлять.

– Давай! – покладисто согласилась прихожая.

– Значит, так. После совместного распития спиртных напитков, – начал мордатый мерзким голосом.

– Где вы тут видите спиртные напитки? – удивилась я.

– А ты бутылки выкинула, – не растерялся мордатый.

– А запах выветрила? – ехидно спросила я.

Хоть я и не люблю детективы, но все же краем глаза по телевизору видела, что если в деле присутствует труп, то обязательно должен быть врач. Не знаю, кто были эти два козла, но уж точно не врачи. И потом, я определенно знаю, что они должны снять с меня официальные показания. У них там такая бюрократия, Тамару Васильевну после случая с украденной пенсией три раза вызывали. А эти у меня даже паспорта не спросили. Стало быть, это они нарочно пугают, думают, что я сразу со страху им признаюсь, что угробила того мужика. Не на ту напали!

Тот, что постарше, поморщился, посмотрел на часы и решительно поднялся.

– Пройдемте на кухню, – обратился он ко мне, – я сниму с вас официальные показания. А ты, Ваня, пока в комнатах все осмотри.

Пока он списывал данные с моего паспорта, я молчала.

– Одна здесь живете?

– С сыном. Он сейчас внизу, у соседки.

Прокуренный посмотрел на меня чуть помягче.

– Этот, на полу, – кто ж такой?

– А я знаю? – удивилась я. – Я же говорила дежурному: прихожу с рынка, открываю дверь, а он лежит мертвый.

– И никогда его раньше не видели? – недоверчиво спросил Михалыч.

– Никогда, – твердо ответила я.

– Так, и зачем же он сюда залез? Ключи вы не теряли?

– Нет.

– А еще у кого ключи есть?

– У мужа бывшего, но он тоже не терял. – По некоторым причинам я пока не хотела впутывать в это дело своего бывшего мужа.

– Вообще-то у вас такие замки, что пальцем открыть можно, – гнул свое прокуренный мент.

– У меня красть нечего! – отвернулась я.

– Кстати, вы проверили, ничего не пропало?

– Михалыч, – это вошел мордатый, – что ты с ней возишься. Ясно же: они поругались, она сама его и убила, а теперь нам лапшу на уши вешает.

– Ну, Ваня, – терпеливо возразил Михалыч, – ну ты сам посуди, удар ножом справа вверх, типичный сильный удар, так на зоне бьют. Ты на нее-то посмотри – в чем душа держится! Ну, допустим, я верю, что в злобе, в аффекте, так сказать... но откуда она знает, как на зоне бьют?

Но мордату Ване уж очень не хотелось расставаться со своей версией, он жаждал поскорее добиться от меня чистосердечного признания и закрыть дело.

– И потом, куда нож делся? – рассуждал Михалыч. – Здесь, в квартире, она его спрятала? Так ищи. Или в окно выбросила, потому что на помойку она сбегать бы не успела. Вон, бабули на солнышке сидят, мимо них не пройдешь.

– Они подтвердят, что видели, когда она домой шла?

– Конечно, подтвердят, – вмешалась я. – Я с ними поздоровалась и сказала, сколько на рынке сахарный песок стоит.

Менты на мое вмешательство никак не отреагировали.

– Ну что там в комнатах? – спросил Михалыч.

– Искали что-то, – неохотно признал Ваня.

– Так ничего у вас не пропало? – Теперь они соизволили обратить свои взоры на меня.

– Вроде нет.

– Н-да, очевидно, вошли двое, тут из-за чего-то поссорились, один другого пырнул ножом, испугался и убежал. Иного объяснения я не нахожу, – задумчиво пробормотал Михалыч. – Сейчас врач приедет, еще люди, так надо бы пойти, соседей поспрашивать, кто что видел. Бабушек на лавочке подключить, по квартирам походить.

Я хотела спросить, кто будет ходить по квартирам – если мордатый Ваня, то ничего не получится: увидав его кирпичную рожу, люди и дверь-то не откроют, – но промолчала.

Действительно, через некоторое время квартира моя наполнилась народом, но перед этим у меня выдалась пятнадцатиминутная передышка, потому что Михалыч все же отослал Ваню расспрашивать старушек, а сам разложил на кухне какие-то бумажки и спросил у меня разрешения закурить. Я сказала, что пожалуйста, пусть курит на кухне, только я выйду, потому что не выношу запаха табачного дыма.

– Беременная, что ли? – ворчливо спросил он.

– Уже нет. – Я усмехнулась.

Он посмотрел на меня повнимательнее, видно, заметил мои худобу и бледность да и мешки под глазами. Уж не знаю, какие мысли появились в его прокуренной голове, но он решил мне находиться в комнате, только ничего там не трогать.

В комнате все было по-прежнему, только беспорядка еще прибавилось, потому что мордатый Ваня еще больше разбросал книги и газеты. Я на цыпочках прошла в «тещину» комнату и запихнула свою единственную драгоценность в коробку со старыми Лешкиными игрушками. Будем надеяться, что милиция не станет устраивать в моем доме обыск. Показывать им ценную вещь я не собиралась: еще заберут как вещественное доказательство, а потом поминай как звали!

Возвращаясь обратно, я споткнулась о кипу старых журналов, валявшихся на полу, и увидела, что под ними что-то блестит. Оглянувшись на дверь кухни, я нагнулась и подняла с пола связку ключей. Это, несомненно, были ключи от моей квартиры, однако совершенно новые. И еще одна странность – ключей было четыре, тогда как замков на моих двух дверях всего три. То есть четвертым замком мы уже полтора года не пользовались, потому что он не работал. Аи да Ваня, как хорошо все осмотрел, даже ключей не заметил, а они валялись чуть ли не под ногами! Отдать Михалычу? Я вспомнила, как краснорожий Ваня орал на меня благим матом, а Михалыч делал скучающее лицо и поглядывал на часы. Нет уж, не буду я с ними связываться, а то опять начнут орать. И я спрятала ключи в ту же коробку.

После ухода милиции и когда увезли труп мужика (забыла сказать, что он был совершенно рыжий, прямо морковного цвета), я на негнущихся ногах спустилась к Тамаре Васильевне за Лешкой. Тамара, увидев меня, только руками всплеснула. Вид у меня был, верно, жуткий, да и чувствовала я себя отвратительно. В голове стучали тысячи отбойных молотков, глаза слезились, к горлу волной подступала тошнота.

«Это от стресса, – твердила Тамара, – выпей чаю, тебе станет легче».

Но мне не хотелось чаю, а хотелось вернуться к себе, открыть все форточки и лечь на диван лицом к стене. Тем не менее я посидела немного у соседки, рассказала ей вкратце о моих неприятностях, и мы с Лешкой потащились домой. Лешка не капризничал, быстро вымылся и почистил зубы, а потом отправился в свою комнату и заснул. Только-только я собралась последовать его примеру, а обо всем происшедшем подумать завтра на свежую голову, как в дверь позвонили.

По этому звонку – одновременно неуверенному и хамскому – я сразу узнала своего бывшего мужа. В нем это вылезло с того самого времени, когда у него появилась та баба. Он стал каким-то растерянным, слабым. И словно для того, чтобы компенсировать свою слабость, скрыть ее, он стал ужасно хамить, как будто хамство его могло кого-то ввести в заблуждение...

Мне бы, конечно, не впускать его в дом, но после сегодняшних событий, особенно учитывая найденные мной на полу ключи, я очень хотела взглянуть ему в глаза, прижать его к стенке и добиться правды. Поэтому дверь я открыла.

Мой бывший выглядел отвратительно: плохо выбрит, рубашка несвежая, брюки такие мятые, будто он ночевал на вокзале.

У меня он в таком виде из дому не выходил. В довершение всего этого великолепия от него еще и спиртным пахивало. Пива выпил... У меня он опять-таки себе такого не позволял.

– Чему обязана? – спросила я, демонстративно оглядев гостя с ног до головы. – Или просто соскучился?

– Ишь, размечталась, – рот его расплылся в мерзкой ухмылке, – нужна ты мне! В зеркало на себя посмотри! Я к тебе пришел за своей фамильной вещью, которую ты у больной старухи украла!

Надо сказать, я здорово разозлилась. Я, конечно, ко многому привыкла, жизнь меня приучила не расстраиваться по ерунде, но сегодня мне уже хамства хватило досыта, один Ваня-

мент чего стоил. А тут этот подонок смеет еще про старуху выступать. Да я, можно сказать, только и скрашивала последние бабкины дни, а он, сволочь: «украла»!

– Ты, скотина, говори да не заговаривайся! – перешла я на бешеный шепот. – И не ори тут у меня! Ребенок спит, твой, между прочим, ребенок. Или ты уже забыл о его существовании? А насчет зеркала – на себя бы посмотрел! Рожа небритая, рубашка как из помойки! И про воровство – извини, дорогой, не тебе бы говорить!

– Ты на что это намекаешь? – заорал было он, но, покосившись на дверь Лешкиной комнаты, тоже перешел на громкий шепот. – Ты как мне смеешь такое говорить?

– Ты пафоса-то поубавь! – прошипела я, тесня его обратно к дверям. – Не ты ли тут в мое отсутствие по квартире шарить? И не твой ли дружок здесь сегодня хозяйничал? И не ты ли, друг любезный, его прирезал? Ты не очень-то на меня наезжай. А то я живо в милицию тебя сдам, ты еще Ваню моего знакомого не видел! Хамство быстро с тебя слетит, потому что тебе до Вани еще расти и расти!

Услышав мою тираду, бывшенький явно растерялся.

– Какой еще Ваня? Какая милиция? Кто кого прирезал? Ты что мелешь-то?

Я, развивая успех, прижала его вплотную к двери и прямо в ухо зашипела:

– И не делай вид, будто ничего не знаешь! Сегодня у меня в квартире какой-то взломщик хозяйничал, и с ним еще кто-то был. Я думаю, что ты, больше некому, и потом ты дружка своего прирезал прямо здесь, в коридоре! Милиция недавно только уехала, того рыжего увезли, а тут ты являешься. Верно говорят, что убийцу тянет на место преступления.

Он, чувствую, снова наливается хамством, как клоп кровью, и опять начинает меня от двери теснить:

– Ты меня к этим делам не припутывай! Я про все твои штучки знать ничего не знаю! Сама небось какого-нибудь уголовника привела, а теперь на меня вешаешь? Не выйдет! Я у тебя месяц не был, а уж сегодня-то и говорить нечего!

– Не был? – говорю. – Да ты здесь уже два раза без меня хозяйничал – в прошлый четверг точно был. Думаешь, я совсем дура, не пойму, что в доме без меня кто-то был. И кроме тебя некому!

– Да как я к тебе попасть мог? У меня и ключей нет, ты же сама у меня их забрала!

Как он про ключи сказал, я уж совсем рассвирепела: ключи от моей квартиры, похоже, у каждой второй сволочи есть. Правда, те ключи, что я днем нашла, были не мужнины, но злости моей не убавилось, и я снова оттеснила его к двери.

– Я-то у тебя ключи забрала, да ты-то, сокол ясный, новые себе сделал, это как пить дать! И можешь мне мозги не пудрить, все равно не поверю, что ты у меня не был! И до сегодняшнего дня был, и сегодня этого рыжего ты убил! И если сейчас немедленно не уберешься, и если посмеешь еще надоедать и жизнь портить, которую ты уже и так раз и навсегда мне испортил, так я тебя, не задумываясь, милиции сдам!

А он вдруг спрашивает каким-то странным голосом:

– Рыжего? Какого рыжего?

– Что? – Я в запале не сразу поняла, о чем он спрашивает. – А, этот рыжий, которого сегодня в моей квартире угробили, морковного цвета, с наколкой на руке...

– Якорь? – переспросил муженек и, видимо, тут же пожалел о том, что у него вырвалось, да слово-то не воробей.

– А, – я даже обрадовалась, – значит, знаешь ты этого взломщика? А только что отпирался.

– Да никого я не знаю! У каждого второго уголовника якорь на руке наколот!

Я вижу, что он очень беспокоился, сам уже к двери отступает и явно готов убраться вон из моей квартиры. Я, чтобы закрепить победу, его добиваю:

– Думаешь, так я тебе и поверила? Я же вижу, как ты в лице переменялся. И про якорь ты наверняка знал! А ну выкладывай, кто такой тот мужик? Наверняка ты этого рыжего знаешь! Если даже не ты убил, то наверняка ты его подослал! Или краля твоя ненаглядная!

Чувствую, что попала в точку: он завертелся как уж на сковородке и скорее за дверь. А я, честно говоря, за этот день уже так устала – мало мне незнакомого трупа в собственной квартире, так извольте еще получить полноценный скандалчик с бывшим мужем! – так устала, что преследовать отступающего противника не было никаких сил, и я только мечтала дотащиться до постели и хоть ненадолго забыть обо всех своих неприятностях. Однако сон не шел.

С мужем мы прожили почти семь лет. Сначала жили вместе с его родителями в большой квартире на улице Марата, потом переехали сюда. Я родила сына Алешку, потом сидела с ним, долго не работала, а потом так получилось, что я снова забеременела. Сначала у меня и в мыслях не было рожать – в наше-то время, когда и одного-то не знаешь, как вырастить. Но в определенные моменты мозг у нас, женщин, отказывает напрочь, и в дело вступает инстинкт материнства. Одним словом, я решила, что будет второй, и обязательно девочка. Мужу было все равно, он только рукой махнул. Я сидела дома с Лешкой, потому что он был не садиковский ребенок, так не все ли равно, с одним сидеть или с двумя? – сказал муж и согласился.

Он работал тогда в мелком бизнесе, то есть крутился: то торговал вентиляторами и обогревающими приборами, то содержал на паях с приятелем продуктовый ларек на Северном рынке, то перегонял из-за границы купленные там подержанные автомобили. Какие-то деньги он зарабатывал, на жизнь вполне хватало. И вот, когда я была уже на восьмом месяце, муж уехал в Турцию за шмотками или еще за чем-то, я уж не помню. И там в гостинице он познакомился с одной бабой. Баба была молодая и очень деловая. Мужа моего она сразу же словно околдовала. Возможно, потому, что была полной противоположностью мне. Он совсем раскис, но ей-то он был на фиг не нужен, потому что ни денег особых, ни внешности приличной у него никогда не было. Тогда он решил ковать железо, пока горячо, и покорить ее своей страстью – откуда только что взялось?

В общем, по приезде из Турции он на минутку забежал домой, чтобы взять кое-какие вещи и, наспех записывая в чемодан трусы и рубашки, сообщил мне между делом, что нашел, как он выразился, человека, что не может без нее не то что жить, а даже дышать, и что главное для него сейчас – не упустить такой случай, иначе потом он всю жизнь будет жалеть.

Пока я, слегка обалдевшая от его выражений, которых он никогда раньше не употреблял, молча хлопала ресницами, он застегнул чемодан и ушел, оставив, правда, мне денег на первое время, о чем он крикнул уже на лестнице. Все случилось так быстро, я совершенно не успела ему сказать, что на следующий день меня кладут в больницу на сохранение, и нужно отвезти Лешку к свекрови. Чувствовала я себя в последние месяцы беременности неважно, были слабость, головокружение. Врачи велели принимать витамины, кололи укрепляющее, но ничего не помогало. В последний раз врачихе не понравилось мое давление, она хотела отправить меня на «скорой» прямо из консультации, но я все ждала возвращения мужа... вот и дождалась.

Когда за ним захлопнулась дверь, я посидела немножко, уговаривая себя не волноваться, – это может повредить будущему ребенку. Главное – это ребенок, твердила я себе, остальное сейчас не важно. Клянусь, я была абсолютно спокойна, когда отправилась на кухню выпить чая с мятой, потому что внезапно у меня сильно заломило затылок. Принимать таблетки от головной боли во время беременности нельзя. И вот, когда я стояла там, в кухне, чайник с кипятком выскользнул у меня из рук, и горячая вода пролилась на ноги. Боли я не почувствовала, а видела только, как приближается кухонный пол. И больше я ничего не помню.

Все это случилось поздно вечером, когда Лешка крепко спал, поэтому он не видел заходившего отца и не слышал нашего разговора. Однако он проснулся от грохота, который я произвела на кухне своим падением. Ребенок страшно испугался, он подумал, что я умерла.

Соседи за стенкой услышали его плач, но долго не придавали ему значения, пока кто-то не сообразил, что я беременная, и не случилось ли чего. К тому времени Лешка был уже в таком состоянии, что ни на что не реагировал и дверь открыть, конечно, не сумел. Пока искали инструменты, пока ломали замок, пока приехала «скорая»... Рассказывали, что, увидев меня, лежащую на полу, врач только с сомнением покачал головой. Но ребенок в утробе был еще жив, меня повезли в больницу, но по дороге начались преждевременные роды. Я пришла в сознание уже в операционной, помню жуткую боль, почему-то в левой ноге, что-то кололи мне в вену.

«Что там с ногой? – стонала я. – Посмотрите».

«Некогда за твоей ногой смотреть, – рычал кто-то, – ребенка надо спасать!»

Ничего они не смогли сделать, и девочка моя умерла. А нога две недели была совсем бесчувственная, хоть иголками коли. Пришел хирург, объяснил, что во время родов произошло какое-то ущемление нерва и что это пройдет со временем. К тому же эти сволочи в роддоме занесли мне какую-то инфекцию, от которой у меня чуть не началось общее заражение крови. Молоко после родов так и не пошло, хоть с этим проблем не было.

Я провалялась в больнице полтора месяца, к тому времени нога немного отошла, и я могла медленно ходить по больничному коридору, подлакивая ногу, как старик после инсульта. Во всем теле была жуткая слабость, а в голове никаких мыслей, кроме Лешки. Меня навещала мать, я все приставала к ней, как Лешка. Она отговаривалась, как могла, а потом призналась, что Лешка все это время жил у свекрови.

И тут со мной случился припадок. Я сидела на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону, и тупо повторяла одну фразу: «Зачем ты отдала им Лешку?»

Мать нервно объясняла мне, что она работает, ей некогда, а свекрови на пенсии все равно делать нечего, но это не помогало. В конце концов мать махнула рукой и ушла, а меня перевели в неврологическое отделение этой же больницы. Прошел еще месяц, мне осточертели больничные порядки и грязь в туалете, я взяла себя в руки, и доктор с облегчением меня выписал.

В больнице у меня было время подумать, так что после выписки я сразу заехала к свекрови, забрала Лешку и ушла, не вступая в пустые разговоры. Она тоже ничего не сказала, видать, очень уж поразила моему внешнему виду.

Действительно, видок у меня был что надо: тощая, как из Освенцима, волосы во время болезни стали жутко лезть, пришлось их коротко обстричь, и все равно вид был какой-то общипанный. Ногу я подлакивать перестала, но все же немного прихрамывала. По-прежнему мучили слабость и головные боли.

Не успели мы с Лешкой расположиться у себя в квартире, как пришел муж. Очевидно, мой внешний вид произвел на свекровь такое сильное впечатление, что она позвонила сыну и прислала его меня проводить.

Увидев меня, муженек слегка поморщился. Допускаю, смотреть на меня тогда, да и теперь тоже, не очень-то приятно, но если бы он знал, как мало меня это волнует, то не стал бы морщиться так напоказ. Я, со своей стороны, очень внимательно его оглядела. Все такой же, ничуть не изменился. И я осознала, что он был таким всегда, просто я по глупости не замечала в нем равнодушия и поверхностности. Дураков учат, это верно. Только моя учеба стоила жизни моей дочери и едва не стоила жизни мне самой.

Я собралась с силами и быстренько объяснила этому человеку, что не желаю его видеть здесь больше никогда. Он здесь не прописан, квартира моя, так что пусть катится. Он виноват в смерти ребенка, и если бы не моя живучесть наперекор всему, то я бы тоже могла окочуриться, и тогда его сын остался бы сиротой. Он слушал меня недоверчиво, до него никак не хотели доходить очевидные вещи. И я поняла: то, что умер ребенок, для него ничего не значит. Ведь не он отсчитывал недели, не он беседовал по ночам с живым существом, которое легонько шевелилось внутри, не он разглядывал в магазине костюмчики и погремушки. Для меня девочка

давно была живой, я к ней привязалась, а для него по-прежнему не было никакого ребенка. А что я чуть не умерла, так, возможно, я преувеличиваю, к тому же «чуть» не считается.

В конце концов я сказала, что деньги на Лешку буду брать у него, пока не найду работу, на развод подам, когда будут силы собрать все справки, а сейчас пусть выметается из моей квартиры и отдаст ключи. Он пошуршал немного в кармане, бросил на стол деньги и ушел.

Мы помаленьку обживались с Лешкой. Я чувствовала себя так плохо, что самые незначительные дела выполняла медленно, часто присаживаясь отдохнуть. Лешка заново ко мне привыкал, он признался, что когда увидел меня лежащей на полу в кухне без сознания, то подумал, что я умерла. И хоть потом бабушка и говорила ему, что мама в больнице и скоро вернется, он не верил.

Через неделю муж явился снова – забрать остальные вещи. И вот тогда-то и зашла речь о единственной драгоценности в нашей семье – перстне Калиостро.

Когда я была беременна Лешкой, на последних месяцах я невероятно много спала. Я могла заснуть когда угодно и где угодно, утром поднять меня раньше двенадцати было невозможно. Поэтому, когда я просыпалась, в квартире никого не было, кроме бабы Вари. С ней-то я и общалась поздними зимними утрами.

Баба Варя приходилась моему мужу двоюродной бабкой, и в семье все считали ее немного «ку-ку». Я вползала в ее комнату в халате, сонная и толстая, как слон, садилась в кресло и снова незаметно задремывала под ее бесконечную фантастическую болтовню, которую никто всерьез не воспринимал. Она ставила передо мной чашку чаю, банку варенья, и я, просыпаясь от своей спокойной мечтательной дремы, лезла ложкой прямо в банку и слушала ее байки.

Баба Варя рассказывала, как когда-то она работала в цирке: то ли ходила по канату, то ли ездила на высоком одноколесном велосипеде, то ли все сразу. Это было на самом деле – ее комната была вся увешана старыми цирковыми афишами, и на некоторых снизу мелкими буквами стояло ее имя. Но вот все остальное в ее рассказах было чересчур цветисто, чтобы быть правдой.

Она бесконечно рассказывала о каких-то необычайных любовных приключениях, о потрясающих зарубежных гастролях, о валявшихся у ее ног князьях и графах... В молодости она была красива – несколько старых фотографий стояли у нее на этажерке, – она и сейчас еще сохранила яркие выразительные черты, ее большие карие глаза казались на смуглом морщинистом лице необычайно молодыми. Но какие, интересно, князья и графы могли валяться у ног цирковой актрисы?

Еще чаще баба Варя рассказывала о романах со знаменитыми цирковыми артистами, укротителями, иллюзионистами. Она действительно показывала их фото с дарственными надписями, но я облизывала ложку с вареньем, улыбалась растительной улыбкой, слушала ее с известной долей недоверия и снова задремывала в кресле.

Все ее истории меня мало волновали, они казались мне красивой выдумкой. Потому что произошли невероятно давно, в какие-то баснословные времена, которые сами по себе казались нереальными.

Баба Варя, кажется, понимала, что я ее не очень-то слушаю, но ей нужен был любой слушатель, хотя бы такой, как я. Она доставала из старого буфета бутылку ликера, наливала себе крошечную, как наперсток, рюмку, предлагала мне – из вежливости, зная, что мне нельзя пить и что я откажусь. Она подносила рюмку к губам, ликера там не убавлялось, но баба Варя становилась еще веселее, ее истории становились еще более невероятными и приобретали фривольный оттенок... Она пила свой ликер долго-долго, а он почти не убавлялся. В конце концов мне становилось неудобно в кресле, я извинялась, шла к себе в комнату, где сворачивалась калачиком на диване и засыпала на час-другой. Мне снились импозантные усатые графы, пожилые князья с бакенбардами, стройные фокусники во фраках и добродушные нарядные улыбающи-

еся тигры, ловко перепрыгивающие с цирковой тумбочки на резной буфет бабы Вари и подписывающие свои фотографии, зажав в тяжелой когтистой лапе авторучку с золотым пером...

На следующее утро баба Варя снова ждала меня, потому что ей очень хотелось и дальше рассказывать кому-то свои истории.

Чаще других мужчин она вспоминала фокусника Сальватори. Настоящая его фамилия была Селиванов, фамилию Сальватори он взял по цирковой традиции. Когда юная Варенька познакомилась с ним, он был уже очень немолод, по правде говоря, стар...

– Но какой это был мужчина! – повторяла баба Варя, закатывая свои яркие карие глаза. – Какой мужчина! Любому молодому он дал бы сто очков форы. Какой элегантный, какой обходительный! Настоящий джентльмен! Как он умел ухаживать! Нет, такие мужчины перевелись, таких больше не встретишь. Но и я кое-чего стоила, я была юна и прелестна, – в подтверждение своих слов баба Варя доставала свою очередную фотографию в костюме наездницы или гимнастки, и я вынуждена была согласиться, что да, она действительно была юна и прелестна.

– А как он меня любил! Он часто повторял: «Варенька, вы моя последняя любовь и вы сама большая любовь моей жизни...»

– Вы с ним были любовниками? – с простительной для женщины в моей положении прямоотой поинтересовалась я.

– Да, милая... – Баба Варя потупила карие глазки. – Я уступила ему. Да перед ним ни одна женщина не смогла бы устоять!

– И тем не менее вы были на «вы»? – с неизъяснимым ехидством уточнила я, думая, что поймала смешную старуху на враках.

– А как же, милочка? – Баба Варя была искренне удивлена. – Он ведь был настоящий джентльмен! Разумеется, он обращался ко мне только на «вы». Если сегодняшним молодым людям это непонятно, я могу их только пожалеть!

– Покажите мне фотографию этого старого сердцеда, – попросила я старуху как-то раз.

Баба Варя со вздохом поднялась со своего стула, прошла к диванчику, на котором спала. Из-под подушки она вытащила маленькую сумочку из потертой красной кожи. Наверное, именно такую кожу называли сказочным словом «сафьян». Покопавшись в сумочке хрупкими пергамент-но-желтыми пальцами, баба Варя вытащила на свет Божий маленький пожелтевший прямоугольник фотографии. На ней был изображен, как я и ожидала, седовласый ловелас в галстук-«бабочке» и с гвоздикой в петлице черного пиджака. Глаза у него были чем-то похожи на глаза бабы Вари – такие же очень темные и очень выразительные. Я подумала, что хотя он и был уже совершенный старик, но с молодой Варенькой они составили бы занятную пару. Словно прочитав мои мысли, старуха сказала мечтательным голосом:

– Мы с ним были весьма красивой парой! У меня остались в память о нем только две вещи: эта фотография и еще перстень.

– А что за перстень? – оживилась я.

– О! – Старуха возвела глаза к потолку. – Это удивительный перстень! Аркадий Филиппович – я говорила тебе, что его звали Аркадием Филипповичем? – Аркадий Филиппович рассказывал, что в молодости встречался с самим графом Калиостро и граф подарил ему этот перстень за очень важную услугу... Что это была за услуга, он мне не говорил, да я и не спрашивала...

Я не слишком разбираюсь в истории, но мне казалось, что граф Калиостро жил когда-то очень давно – лет двести назад, а то и больше. Я заикнулась об этом, и баба Варя снова, в который уже раз, возвела глаза к небу:

– Милочка! Этот граф тем и известен, что жил невероятно долго, никто, собственно, и не знает, когда он родился и когда умер, да и умер ли вообще. Настоящее его имя, скорее всего, Джузеппе Бальзамо, но это тоже не совсем достоверно...

Мне не очень хотелось все это слушать, снова клонило в сон, но на перстень хотелось поглядеть, и я прямо сказала об этом старушенции.

– Сейчас, сейчас, – проговорила баба Варя заговорщицким тоном и снова углубилась в свою сумочку.

На это раз она выудила оттуда маленький замшевый мешочек. Распустив стягивающий его шнурок, она достала крошечную металлическую коробочку или шкатулочку – что-то в этом роде. Она что-то на этой шкатулочке нажала, что-то повернула, крышка откинулась, и я увидела перстень.

На что уж плохо я разбираюсь во всяких старинных вещах, но тут поняла, что перстень очень старый и замечательный: дымчато-черный камень держали в лапах два удивительных сказочных зверя, вокруг этих зверей вились ветки деревьев с резными листьями, откуда выглядывали детские личики и звериные морды. Удивительно, как на одном перстне помещалось так много разных украшений, – все было такое маленькое, так тонко выполнено, что я пришла в восторг и захлопала в ладоши, как ребенок.

Старуха была очень довольна произведенным эффектом. Улыбаясь, она смотрела то на меня, то на перстень, и улыбка ее становилась все теплее и теплее. Наконец я налюбовалась украшением и вернула его хозяйке. Она снова спрятала его в ларчик, и крышка захлопнулась с жестким металлическим звуком.

– Это перстень не простой, – снова заговорила баба Варя. – Аркадий Филиппович говорил мне, что он приносит счастье своему хозяину – но только тому, кто получил его в подарок. Этот перстень нельзя ни продать, ни украсть. Его можно только подарить. Иначе он вернется к прежнему владельцу. А вот будучи подарен, он приносит счастье... и скажу тебе, милая, что это правда. Жизнь у меня была очень трудная, но я всегда жила счастливо, и, кажется, перстень тому причиной... Точно так же и Аркадий Филиппович... пока он владел перстнем, он был очень счастлив и удачлив...

– Как же он с ним расстался?

– Он был уже немолод, он любил меня и сказал: «Я не встречу больше в своей жизни человека, которому захотел бы подарить этот перстень, а если я его не подарю, перстень пропадет после моей смерти. Он не останется у человека, к которому попал случайно, не будучи подарен...» Действительно, вскоре после того, как он сделал мне этот подарок, Аркадий Филиппович скончался... – Баба Варя промокнула предательски заблестевшие глаза желтоватым кружевным платочком и отправилась к буфету за свои ликером.

Сделав свой обычный микроскопический глоток, она добавила:

– Еще он говорил, что перстень этой работы Бенвенуто Челлини, но уж в такое-то я вряд ли поверю – чудес не бывает.

Я смутно представляла себе, кто такой Бенвенуто Челлини (хотя когда-то и слышала это имя), и мне тогда показалось очень смешным, что баба Варя не сомневается в волшебных свойствах перстня, в его способность приносить счастье, но не может поверить в то, что его сделал какой-то доисторический итальянец.

«...В месяце апреле того же года я приехал во Флоренцию уладить там кое-какие свои дела. В то время Его Святейшество весьма ко мне благоволил, почему находиться во Флоренции для меня было небезопасно: там очень сильно заправляли эти бешеные. Однако мессер Джироламо, у коего я остановился, весьма меня обнадежил, уверяя, что в его доме я вполне могу быть спокоен. У того мессера Джироламо была прехорошенькая дочь, именем Франческа, в видах которой он сильно питал ко мне различные надежды. У того же мессера Джироламо немало было преславных вещей из раскопанных возле Рима гротов, кои по этой причине повелось называть гротесками. Среди этих гротесков многие были дивно изукрашены разного вида чудовищами, очень потешными и удивительного вида: то лев с ослиною головой, то орел со

львиною мордой и много еще других. Этими гротесками изукрашены были золотые запястья, и красивейшие аграфы для скалывания одежд, и некоторые другие предивные украшения. Мессер Джироламо показывал мне все эти вещицы и спрашивал, улыбаясь, в силах ли я повторить какие-либо из оных. На что я, в полном уважении к мессеру Джироламо, улыбаясь же, отвечал, что повторить таковые вещицы для меня не затруднительно, но большого нет в том интереса, а что интереснее сделать новые и замечательные вещи, изукрашенные подобными гротесками, но только еще точнее и искуснее. И при том случилась упомянутая дочка того мессера Джироламо, и она весьма кокетливо строила мне глазки и недоверчиво говорила, что невозможно мне сделать сказанное. Тогда я весьма учтиво с ней поговорил и обещал сделать для нее какую-нибудь вещицу редкостной тонкости и изящества, изукрасив ее такими же гротесками, и сделать эту вещицу ей в подарок, ничего не взяв за работу, поскольку и отец ее, мессер Джироламо, премного для меня сделал доброго, и сама она своей красотой очень была для меня приятна.

Тогда, взяв один золотой дукат, я приступил к задуманной работе. Столь мало золота взял я, поскольку хотел сделать для той прекрасной Франчески маленький перстень, достойный ее изящества и красоты. Однако, приступив к своей работе, я не знал, какой камень мне вставить в тот перстень. Как ни думал я, все камни казались негодными. И вот однажды прохожу я мимо Барджелло и лицезрею такую прежалостную картину: трое дюжих молодцов обступили одного мессера, судя по платью – иностранца, и теснят его, нанося удар за ударом своими шпагами. Мессер же иностранец отбивается от их шпаг с большой отвагой, но, будучи один против троих, начинает уставать и не имеет надежд на спасение. Тогда я, вытаскивая свою шпажонку, без которой и шагу не мог ступить, восклицаю: „Берегитесь, трусы! Втроем ли на одного прилично нападать истинным флорентийцам? Так получите же!“

И с этими словами начинаю жарко раздавать им свои удары. Трусы эти, видя, что дело их не выгорело, развернулись и позорно бежали, оставив нас с мессером-иностранцем двоих на поле боя. Тогда помянутый иностранец, вежливо кланяясь, благодарит меня сердечно за помощь и ловкость моей шпаги. И представляется мне иностранным графом де Сен-Жермен. На что я также называю ему свое имя, и видно, что имя мое ему очень известно. „Мессер Бенвенуто, – говорит мне помянутый граф, – позвольте мне подарить вам один только камень. Ибо мастеру, каков вы есть, невозможно подарить перстень или запястье, или любое другое изделие чужого мастерства, ибо ваше мастерство выше любых похвал; но этот камень вы обрамите в золото и сделаете из него перстень необычайной красоты, и тогда это будет замечательно и искусно. И только запомните, мессер Бенвенуто, что названный перстень будет не прост. Он дарить будет счастье всякому своему владельцу, кто в дар его получит; но ни продать, ни потерять, ни же украсть перстень тот будет нельзя, а только в дар получить или подарить любезному сердцем человеку“.

И мессер граф протянул мне на ладони удивительный камень, черный с глубоким тусклым отливом и как будто дымом, курящимся в глубине его черноты. Я в сильном восторге засмотрелся на сказанный камень и хотел было спросить мессера графа, как сей камень именуется, да только, поднявши глаза, увидел, что сказанный иностранец уже удалился неизвестно куда. Еще подумал я, как сей удивительный граф достоверно узнать смог, что я ищу камень, чтобы в перстень его заключить, и как смог он оный камень отыскать, как нельзя больше для замысла моего подходящий. Но как сказанный мессер граф ушел, не простившись, то и вопросы мои остались без ответа...»

Стас Грачев вернулся домой в ужасном настроении и сразу набросился на Алену.

– Ты во что меня втянула? Ты что, посадить меня хочешь?

Алена, совершенно не привыкшая к таким выражениям от давно и надежно выдрессированного Стаса, в первый момент даже растерялась:

– Что случилось, дарлинг? У тебя неприятности?

– Еще какие! И будь спокойна, у тебя они тоже будут!

– Дарлинг, ты что это себе позволяешь? – Алена быстро преодолела свою растерянность и вспомнила, что мужчину ни в коем случае нельзя выпускать из ежовых рукавиц. – Ты с кем разговариваешь? Откуда такой хамский тон?

Но Стас, даже почувствовав строгий ошейник, не уgomонился:

– Тон ей, видите ли, мой не понравился! Ты лучше скажи, куда ты послала дружка своего уголовного?

– Какого еще дружка? – Лицо Алены окрасилось здоровым деревенским румянцем, а в голосе появились интонации, характерные для овощного ряда Центрального колхозного рынка.

– Валеру твоего, уголовного!

– Валера ему, видите ли, не угодил! – Алена уперла руки в боки и приготовилась к долгому аппетитному скандалу.

Скандалы всегда действовали на нее освежающе, она их очень любила, они повышали ее жизненный тонус, и чувствовала она себя в атмосфере скандала, как рыба в воде. Но Стас неожиданно выбил почву у нее из-под ног:

– Валера не мне не угодил, а кому покруче. Убили его сегодня.

– Чего? – тупо спросила Алена, и миловидное ее личико мигом утратило весь свой здоровый румянец. – Как убили? Ты что болтаешь?

– Вот как убили, не могу тебе сказать. Забыл уточнить. А где убили – знаю, в квартире у Марии.

– У какой еще Марии? – В стрессовой ситуации Алена всегда плохо соображала.

– Да у жены моей бывшей, Марии Грачевой, – терпеливо разъяснил Стас.

При упоминании бывшей жены Алена мгновенно встала в боевую стойку, снова зарумянилась, и глаза ее зажглись застарелой злобой:

– Ах, у этой тощей селедки? Так ты у нее, значит, сегодня был? А позволь тебя спросить, дарлинг, что ты там делал?

– Ты хоть немножко соображать можешь, или у тебя от злости все мозги атрофировались? Ты поняла, что у нее в квартире сегодня твоего Валерика угробили? Что он, интересно, там делал? Это ты можешь объяснить? Ты хоть понимаешь, что я окажусь самым первым подозреваемым?

– Да эта зараза, верно, сама Валерика ухлопала. Я за него стерву своими руками задушу!

Стас схватил Алену за плечи и хорошенько встряхнул. Она посмотрела в злобном изумлении, но замолчала, чего он и добивался.

– Послушай меня. Ты можешь мне объяснить, что твой Валерик делал в квартире Марии? Что он вообще о ней знал? Что он там искал? Ты его навела? Ты пойми наконец, произошло убийство, это не шутки!

Алена смотрела на него дикими глазами, затуманенными пеленой истерики, и только повторяла вполголоса:

– Ты что, сдурел? Ты что себе позволяешь? Ты руки-то убери!

Стас подавил в себе жгучее желание надавать ей оплеух, еще раз встряхнул как следует и снова попытался пробиться к ее сознанию:

– Ты меня понимаешь? Убийство произошло! Не до истерик сейчас! Скажи только, зачем Валерик пошел к ней в квартиру? Ты ему о перстне говорила?

В глазах Алены засветилось наконец осознанное выражение: это была презрительная злоба.

– От тебя никакого проку! – прошипела она Стасу в лицо. – Сколько раз говорила тебе, чтобы достал это чертово колечко, а ты ни с места!

– Подождала бы еще немного, я ее почти дожал!

– Как же, умеешь ты дожимать! Дальше разговоров у тебя дело никогда не идет! Что в деле, что в постели – никакого толку!

Стасу кровь бросилась в лицо, он сжал зубы, сдавил плечи Алены, швырнул ее с размаху на диван, как тряпку, и злобно прошептал:

– От Валеры твоего много толку! Грязный уголовник! Теперь его кто-то замочил – так у них на зоне говорят? – и даже своей смертью он умудрился мне напакостить! Затаскают теперь по милициям! Как мне прикажешь объяснять – что я навел грабителя на квартиру своей бывшей жены? Я, выходит, наводчик? Привела в дом ворюгу! Сама будешь в милиции оправдываться: кто такой, откуда ты его выкопала и как отправила на самый натуральный грабеж! Нет, ну это надо же! С квартирным воров связалась!

Алена слегка опомнилась, передумала впасть в истерику и перешла в обычное для нее злобно-вульгарное состояние.

– Ничего я нигде объяснять не буду. Я к этому делу никакого отношения не имею. И вообще – ты уверен, что именно Валерик там убит, ты что, его видел?

– Еще не хватало! Бог миловал! Мария мне его описала. Рыжий, веснушчатый, наколка на руке – якорь, чего тебе еще надо? Второго такого красавца поискать!

– Заткнись, – зло оборвала его Алена. – Ну допустим, это Валера. А я-то тут каким боком? Даже ты с ним никак не связан! С чего ты взял, что в подозреваемые попадешь?

– Ах ты, какая умная! Думаешь, милиция личность его не установит? А ведь он твой родственник какой-то. Ты же сама говорила, что он тебе не то троюродный брат, не то двоюродный дядя, – так что, ты мне лапшу на уши вешала?

– Да, родственник, – заученно отмахнулась Алена.

– А раз родственник, то тебе и начнут задавать о нем вопросы: от кого он узнал адрес Марии Грачевой, да не ты ли ему дала ключи от квартиры той...

– Какие ключи? У меня никогда не было ключей от ее хаты!

– А вот в милиции тебе не поверят. Скажут, раз у меня ключи были, так ты с них копию сняла...

– А не проще ли, дарлинг, предположить, – Алена уже успокоилась и говорила своим обычным насмешливо-издевательским тоном, – что это ты его навел и ключи ему дал?

– **Вот** я тебе полчаса толкую, что мы с тобой в этом деле являемся самыми главными подозреваемыми. Так что прекрати меня злить и подробно расскажи, что ты Валере сообщила, что он собирался делать, и мы вместе подумаем, как себя вести, что рассказывать, если нас спросят, и вообще какую линию поведения выбрать.

– Ну... – протянула Алена впервые несколько неуверенным голосом, – рассказал ты мне про перстень...

– Дураком был, – вставил Стас.

– Это точно, – ехидно заметила Алена и продолжила: – А я потом поговорила со знакомым человеком, и он сказал, что такой перстень может очень дорого стоить. Ты обещал у воблы своей забрать, но дальше обещаний дело не шло...

– Дожимал я ее, дожимал! – нервно вставил Стас. – Но ведь на все время нужно, а тебе сразу вынь да положь!

– Пока ты чего-нибудь добьешься, я уже состариться успею! А в старости женщине ничего не нужно! Пока молодая, хочется по-человечески пожить!

– Вот теперь и поживешь по-человечески – на нарах! – ядовито прокомментировал Стас. Алена взглянула на него с ненавистью, но продолжила:

– Я поговорила с Валерой. Ничего я у него не просила, ничего не предлагала, просто рассказала о кольце, и что оно на самом деле наше. – Покосившись на Стаса, она уточнила: – Ну твое, семейное, но уж никак не селетки твоей бывшей. А Валера мне ничего не сказал. Я и не думала, что он... туда пойдет. Ну он, верно, захотел нам помочь, проблему решить...

– Ты хоть сама-то веришь в то, что говоришь? – закричал потерявший терпение Стас.

– Отвяжись от меня! – взвизгнула Алена.

– Имей в виду: я ничего не знаю. Не было никакого перстня, я тебе ничего не говорил. Маша про перстень тоже будет молчать, ей неприятности ни к чему. И получается, что это ты нарочно его туда послала, чтобы жену мою бывшую не то убить, не то обокрасть.

– Что? – Алена смотрела на него с такой злобой, и лицо ее так подурнело, что Стас про себя ужаснулся.

– Что слышала! Говори быстро – этот Валера сидел ведь?

– Ну сидел, давно еще, всего два года за хулиганство.

– Значит, завтра они точно его личность установят. А потом и тебя найдут.

Алена подумала немного и решилась:

– Не бойся, не найдут. Потому что Валера мне не родственник.

– А кто он тебе? – ехидно спросил Стас. – Друг детства?

– Ну да, в школе вместе учились.

– За одной партией сидели? – деловито уточнил Стас. И, поскольку Алена молчала, продолжал, накаляясь: – Ты что, думаешь, я совсем идиот?

«Совсем», – подумала Алена, но смолчала.

– Тебе двадцать восемь, а Валера этот лет на десять тебя старше.

Алена вдруг успокоилась и стала с любопытством ждать, когда же до него дойдет очевидный факт, кем ей на самом деле приходится Валера. Но Стас если и догадался, то отреагировал совсем не так, как она ожидала. Он тоже успокоился и спросил, осторожно подбирая слова:

– Ты уверена, что милиция никак не сможет связать тебя с убитым Валерой?

– Уверена, – твердо ответила Алена.

– Ладно. – Стас что-то напряженно обдумывал. – Тогда я завтра уеду в Турцию на неделю, а там видно будет.

«Сейчас смотаюсь на недельку, потом надо будет с Машкой потихоньку отношения налаживать, чтобы она на меня милицию не напустила. Но и с этой, – он исподлобья зло глянул на Алену, – с этой сейчас ссориться не резон, как бы не подгадила чем-нибудь. Вот ведь попал я в историю! Черт дернул меня ей про перстень рассказать!»

После того дня, когда баба Варя впервые показала мне перстень, прошло полгода. Я родила Лешку и перестала к ней ходить, некогда стало. Но однажды, когда Лешка спал после обеда, я заглянула к ней. Застала я бабу Варю в постели. Старуха была бледна и дышала часто и неровно. Увидев открывшуюся дверь, она поманила меня к своей кровати. Я села рядом и спросила, не надо ли чего.

– Нет, милая, – сказала она очень медленно из-за одышки, – все у меня есть. А мучить тебя стариковскими глупостями я не стану. Я вот что хотела... Уж недолго мне осталось, а ведь его нужно кому-то передать...

– Кого? – не поняла я, потому что в голове вертелись нестираные пеленки и детское питание.

Старуха же, ничего не отвечая, полезла под подушку и сразу же вынула оттуда замшевый мешочек, заранее приготовленный. Она вложила мешочек мне в руку и сжала ладонь, будто захлопнув ловушку.

– Что это? – спросила я растерянно. – Перстень ваш? Но мне неудобно.

– Очень даже удобно, – прервала меня баба Варя, – я обязательно должна его подарить, а только с тобой мне было в последнее время легко и весело... С тобой я вспоминала свою молодость, все хорошее, что было тогда в жизни. Пусть этот перстень принесет тебе счастье...

Я была тогда в беспокойном состоянии молодой мамы, когда по десять раз подбегаешь к спящему младенцу и проверяешь, дышит ли, не захлебнулся ли, поэтому мне совершенно

некогда было думать о том, могу ли я принять такой подарок и как к этому отнесутся мой муж и его драгоценная семейка. Перстень мне с первого раза очень понравился, и я спокойно сунула его в карман.

– Только этим не говори, – прошептала свистящим шепотом старуха, указывая крючковатым пальцем на дверь и имея в виду свою родню.

Я кивнула, не очень задумываясь над ее словами и не принимая их всерьез. Я еще немного посидела у старухиногo одра, а когда она забылась тяжелым больным сном, тихонько встала и пошла к себе. Про перстень я вспомнила только неделю спустя, когда старуха умерла.

«...Придя домой, я вынул оный камень и взялся за работу. Камень сей я поместил так, будто бы два сказочных чудовища держат его в лапах. Чудовищ тех я сделал подобными льву с головою единорога и с крыльями орла и разместил их в окружении акантовых листьев и еще между этих листьев разместил я несколько машкерок – одни сделал в виде звериных морд, другие в виде ангельских ликов. И так хорошо пошла моя работа, что сам я поразился тому, как тонко удалось мне ее исполнить, и как много изобразить сумел я на столь малом перстне. Должно быть, снизошла на меня благодать Господа нашего, поелику никогда не доводилось мне делать столь тонкой и искусной работы. Закончив сей перстень, я зажег свечу и в блеске ее повернул перстень тот разными сторонами, и показалось мне, будто в черном камне облачка поплыли, как плывут в небе перед закатом, и так мне полюбился тот перстень, что жаль стало отдавать его дочери старого мессера Джироламо. Но тогда вознес я молитву Господу нашему, и он надоумил меня, что только тот подарок – подарок в глазах Его, который до самых слез жаль отдавать, а прочее не стоит и дарить. И вспомнил я доброту упомянутой барышни и отца ее, мессера Джироламо, и пошел к ним с тем перстнем своим, завернув его в малый лоскут черного бархата.

Войдя в покои одного мессера Джироламо и застав там его самого и дочь его, я весьма любезно их приветствовал и сказал: „Поскольку от вас видел я невозможную ласку и приязнь, позвольте мне поднести вам такую малую безделку, вовсе вас недостойную: но как вещь эта вышла из моих рук, то и должна она передать вам всю мою к вам благодарность“. И с этими словами развернул я тот бархатный лоскут и открыл глазам их мой перстень. И на это помянутый мессер Джироламо воскликнул, что не может поверить, чтобы человеческая рука так тонко и прекрасно могла все это сделать, и правда ли, что сам я сотворил сию вещь и не работа ли это великих древних мастеров? На что отвечал я ему, чтобы он, как человек умелый и в искусствах сведущий, взглянул бы вблизи на работу, из чего видно ему будет, что золото недавно вышло из рук мастера. И мессер Джироламо вещь мою оглядел и воскликнул: „Да, мой Бенвенуто! Знал я, что ты искусен во многих тонкостях мастерства, но и то поразил ты меня, ибо такой изумительной работы не приходилось мне еще держать в руках“. А дочь его стояла вблизи, премило потупившись, и румянец столь нежно играл на щеках ее, и она только лишь вздыхала, не говоря ни слова. Когда же я обратился к ней и спросил, понравился ли ей подарок, то Франческа воскликнула: „Любезный мессер Бенвенуто! Поверить я не могу, чтобы человеческая рука могла сотворить нечто подобное! Должно быть, даже Джакопо Ченчи не смог бы ничего подобного сделать!“

А надо сказать, что тот Джакопо Ченчи был никчемный мастеришко, долго у отца ее, мессера Джироламо, в подмастерьях прозябавший и недавно только свою открывший мастерскую. И услышать от нее такие слова было мне предосадно. Но поскольку она Франческа была девушка премилая и дорогого друга моего мессера Джироламо дочь, то я ничего на ту обиду не сказал, хотя в сердце своем пребольно огорчился. Даже и сам мессер Джироламо слов дочери своей не заметил и продолжал перстеньком моим радостно любоваться. И Франческа сию работу мою в подарок приняла. Хотя и огорчивши меня своими словами...»

На следующий день меня вызвали к следователю к двум часам дня. Минут сорок я провела у кабинета и к приходу следователя – сутулого немолодого мужика с тусклыми глазами – совершенно озверела. Разговора у нас с ним не получилось, то есть у него со мной, потому что я ему и двух слов сказать не хотела. Но хамить не стала, просто отвечала односложно: «Не видела, не знаю». Тем не менее допрос занял часа полтора, потому что он очень долго писал. Единственное, что мне удалось выяснить, – то, что личность убитого рыжего типа они установили. Им оказался криминальный элемент. В кармане у него не было никаких документов, это я помню по вчерашнему дню, а была только связка отмычек, как сказал следователь. Поэтому он перестал задавать мне дурацкий вопрос, не теряла ли я ключи. В кабинете было душно, накурено и как-то серо. Когда следователь наконец отпустил меня, я решила немного прогуляться, потому что голова болела невыносимо.

Купив в ларьке у метро шоколадно-вафельный торт, я добрела до дому и позвонила в дверь Тамариной квартиры. Теперь придется пить чай. Не могу же я так просто уйти, не поблагодарив ее за то, что она полдня просидела с Лешкой.

У Тамары были гости, вернее, одна гостья – ее племянница Надежда. До этого я видела ее несколько раз на лестнице, она довольно часто навещала свою одинокую тетку. Тамара Васильевна рассказывала, что работала Надежда в НИИ, дела там сейчас идут неважно, зарплату дают неаккуратно, да и какая это зарплата? Муж Надежды – человек, конечно, очень славный, но есть у него один пунктик: ни за что не разрешает ей подрабатывать. И то верно: никакой профессии, кроме инженерской, у нее нет, а в таком возрасте – под пятьдесят – куда можно пойти, кроме как в ларек? А насчет ларька муж запретил Надежде даже и думать. Дочь ее живет в Северодвинске, замужем там за моряком, поэтому у самой Надежды денег мало, но зато свободного времени много, вот она и навещает тетку, не дает скучать. Сейчас они сидели на кухне и разговаривали, а Лешка в комнате смотрел мультфильмы. От вида уютной кухни, стола, покрытого клетчатой скатертью и синих с золотом парадных Тамариных чашек мне стало легче. Они обе встретили меня очень приветливо, усадили пить чай с вишневым вареньем. Так что мой торт пришелся очень кстати. И я рассказала вдруг и про вчерашнего хамского капитана Ваню, и про сегодняшнего следователя. Тамара Васильевна посочувствовала мне и пошла в комнату смотреть свой любимый сериал. А мы с Надеждой налили еще по чашечке ароматного чаю с мелиссой и уселись поудобнее.

– Маша, а что вы сами-то об этом думаете? – спросила она, внимательно глядя мне в глаза.

– Все это очень странно. Есть у меня в доме одна вещь, которую можно украсть. Вещь старинная... Но ее-то как раз и не взяли, хотя могли. Если муж послал того рыжего, чтобы он ее забрал...

– Но ведь это очень рискованно, – перебила меня Надежда, – не полный же дурак ваш бывший муж.

– Раз оказался подлецом, почему не может быть дураком! – резко сказала я. – Про него теперь я во что хочешь поверю.

– Допустим, – осторожно сказала Надежда, – допустим, что тот рыжий как-то связан с вашим мужем и перстнем. Вы уж меня, Маша, извините, – пояснила она, – но ваш сын нам про перстень рассказывал, бормотал, что такое интересное кольцо...

– Час от часу не легче! – простонала я. – Одни неприятности с этим перстнем!

– Не беспокойтесь. Он ребенок, не понимает еще. Здесь в доме он ни с кем не общается, а тетка моя не из болтливых, вы же знаете. Так вот, я продолжаю. Если рыжий влез к вам за перстнем, то кто же был тот второй человек, который был у вас до него? Что он искал и почему не взял перстень?

– Он вообще ничего не взял, – пробормотала я, – у меня абсолютно ничего не пропало. Его спугнули, что ли?

– Его спугнул этот рыжий, с наколкой. Но до этого он успел обшарить вашу квартиру, причем искал, как вы говорите, что-то бумажное, если рылся в книгах, старых газетах и открытках. И это что-то для него очень важно, раз он решился ради этого человека убить. Не было никакой драки, а было хладнокровное убийство.

– Почему вы так решили? – недоверчиво спросила я.

– Как вы говорите, убитый лежал?

Я встала и показала ей, ведь наши с Тамарой квартиры были одинаковыми.

– Вот видите, убийца услышал, что кто-то открывает дверь. Спрятался вот тут, за углом, а потом сразу нанес удар вошедшему человеку. Вы же сами говорили, что в прихожей никакого беспорядка, все как было. А если бы в таком маленьком помещении дрались двое здоровых мужчин, как бы выглядела ваша прихожая?

– Пожалуй, вы правы, – неохотно признала я, – но тогда, значит, мне повезло. Потому что если бы не рыжий, то я бы вошла в квартиру и получила бы удар ножом.

– Думаю, вас бы он увидел в окно, – успокоила меня Надежда, – а рыжего он не знал, вот и пропустил.

Я перевела дух и рассказала ей про ключи.

– Понимаете, четыре ключа, а у меня на связке всего три, четвертый я выбросила за ненадобностью. И у бывшего мужа тоже было три.

– Очень интересно! – оживилась Надежда. – А вы раньше не давали ключи соседям или родственникам?

– В том-то и дело! У мамы ключей от моей квартиры нет, а у свекрови они были. Висели на гвоздике в прихожей возле счетчика. Но я на них думать не могу. Свекровь пожилая, муж у нее сейчас вообще на улицу не выходит. Живут они в старой квартире на улице Марата очень уединенно, к ним редко кто заходит.

– Раз ключи на гвоздике висели, кто угодно мог зайти и копию сделать! – упрямо сказала Надежда.

– Но зачем? Зачем кому-то мои ключи?

– Вы уверены, что ничего не пропало?

– Абсолютно, – твердо ответила я. – Ну ладно, нам уже пора.

– Машенька, – в кухню вошла Тамара Васильевна, – все собираюсь тебе отдать. Спасибо большое, узор я сняла. – Она протянула мне альбом с красивой вышивкой на обложке, увидев которую, Надежда сделала стойку.

– Какая работа! Кто же это вышивал?

– Родственница моего бывшего мужа, старушка славная. Умерла несколько лет назад. Я взяла этот альбом на память.

– А можно мне посмотреть? – Надежда протянула руку к альбому. – Обожаю старые фотографии, на них все такое красивое...

Я под села к ней и раскрыла альбом.

– Вот она сама, баба Варя, в молодости – просто красавица!

– Да, очень хорошенькая... А это что за костюм – маскарадный, что ли?

– Она ведь была цирковой актрисой – знаете, велосипеды есть такие одноколесные, и еще по канату, кажется, ходила... Так странно было видеть ее глубокой старухой...

– Очень интересно. А это кто?

– Это – известный укротитель тигров Кульчинский. В то время известный. Сейчас его уже никто не помнит. Она говорила, что у них был роман.

– Ну надо же... – Надежда перевернула страницу. – А это кто?

– Да я и не помню. Кажется, фокусник, и вот она с ним рядом, смотрите, какая шляпка смешная! И на этой странице тоже она, в цирке, за кулисами.

Везде были фотографии бабы Вари, от страницы к странице она старела. Рядом с ней были разные мужчины, как правило – довольно интересные, многие – явно цирковые артисты. Фотографии подходили к концу, альбом был заполнен только наполовину. Характер их постепенно менялся: если на первых страницах были расположены красивые, чуть коричневатые, изящно отретушированные снимки на плотных матовых карточках, то дальнейшие фото становились все более невыразительными и простыми. Но все фотографии объединяли две черты: во-первых, все они были достаточно старыми – самой новой из них было не меньше тридцати лет, и, во-вторых, на всех этих фотографиях люди позировали. Они знали, что их фотографируют, готовились к снимку заранее, старались выглядеть лучше и интереснее. Но в самом конце нам попала карточка, которая сразу выбилась из общего ряда. Я задержалась на этом снимке и, покосившись на Надежду, увидела, что она тоже пристально его рассматривает. На этом снимке была женщина, но она не позировала. Нет уж, что-то, а она точно не позировала. Женщина на фотографии кричала, лицо ее было искажено ужасом.

– А это кто? – изумилась Надежда, но я пожалала плечами.

– Понятия не имею. Мне кажется, что эту фотографию я никогда раньше не видела. Она настолько непохожа на все остальные, что я бы ее обязательно запомнила. Когда баба Варя показывала мне этот альбом, этого снимка не было.

– Начать с того, что она цветная, – вставила Надежда, – а все остальные сделаны в такие времена, когда цветной фотографии не было и в помине. Судя по костюмам, – Надежда смотрела на фотографию с все большим интересом, – в этом альбоме нет ничего, относящегося не только к девяностым, но и к восьмидесятым годам. Пожалуй, даже к семидесятым. Самое позднее, что я здесь вижу, если не ошибаюсь, конечно, – это конец шестидесятых. Очевидно, баба Варя с тех пор перестала фотографироваться: ей стало грустно смотреть на свое стареющее лицо. А эта фотография выбивается из всех остальных. Тем более вы говорите, что никогда не видели ее прежде. А когда вы вообще в последний раз рассматривали этот альбом?

– Давно, больше пяти лет назад, когда баба Варя была еще жива. Мы смотрели альбом вместе с ней, и она рассказывала мне о каждом снимке. Потом она умерла, а позже, когда мы переезжали, я попросила у свекрови альбом на память. Она отдала мне его спокойно, потому что никакой ценности для их семьи он не представлял: родных там никого, кроме самой бабы Вари...

– Какая странная фотография, – задумчиво проговорила Надежда, – поглядим-ка мы на нее получше.

Она осторожно вынула фотографию из косых прорезей альбома и поднесла поближе к свету. Действительно, все здесь было странно. Женщина на фото была снята в высоком окне почти в полный рост, потому что подоконник был очень низкий, и она открывала рот, как будто хотела крикнуть – и не могла... Или кричала, а ее никто не слышал. И за ее плечом я разглядела еще одно плечо и руку – мужскую, были видны рукав пиджака и белая манжета рубашки. И эта рука вызывала еще большее беспокойство, чем лицо женщины.

Я указала Надежда на мужской рукав, она кивнула, как видно, мысли наши шли в одинаковом направлении.

– Слушай, – она от волнения стала обращаться ко мне на «ты», – этот мужчина у нее за спиной, ведь это же убийца! Она стоит в очень неустойчивой позе, он толкает ее в плечо, и секундой позже она вылетает в окно – видишь, ей уже не за что схватиться руками, а наклон тела такой, что на ногах не устоять. Эта фотография самого настоящего убийства.

Я похолодела. Мало мне бесконечных неприятностей, мало трупов в собственной квартире, так вот еще – в старом безопасном уютном семейном альбоме нахожу тайну чужой смерти! Чужая такая.

– Почему вы думаете, что это именно настоящее убийство, а не кадр из фильма, допустим? – агрессивно спросила я Надежду.

– А как этот кадр попал в альбом? – не менее агрессивно возразила она мне. – Вполне современная фотография, совершенно не потрепанная, новая, в общем.

– Я не могу объяснить, как этот кадр попал в альбом, а вы можете объяснить, как сюда попала фотография убийства? И, вы меня простите, Надежда Николаевна, какое мне до этого дело? Я никогда не видела женщину на снимке, да и время прошло с тех пор, как снимок сделан, потому что альбом все это время лежал у меня в квартире на антресолях, все пять лет, что мы тут живем. Как положила я его туда, так и не доставала. Только в прошлом месяце по просьбе Тамары Васильевны принесла ей показать.

– Но ваш муж мог...

– Я вас умоляю! – отмахнулась я от такого глупого предположения Надежды. – Чтобы муж полез на антресоли? Это исключено!

– Тогда сделаем допущение, что снимок уже был в альбоме, когда вы привезли его на эту квартиру, – оживилась Надежда. – Стало быть, прошло пять лет. А теперь слушай внимательно и не перебивай. Ты говорила, что кто-то обшарил твою квартиру, рылся, в основном, в книгах, бумагах и старых журналах. И что ничего не пропало, то есть он не нашел то, что искал. А искал тот человек настолько целенаправленно, что хладнокровно убил второго человека – того, кто помешал его поискам. Из этого делаем вывод, что вещи, которую он искал, в доме не было, но она должна была там быть. То есть не было ее временно. А чего у тебя не было временно? Вот этого альбома. Может, его-то и искали так упорно?

– На фига ему старый альбом? – Я так устала, что забыла о приличиях.

– В данном случае, мне кажется, что дело именно в той самой фотографии, явно неуместной в этом альбоме.

Тут я заметила, что глаза у Надежды Николаевны слишком ярко блестят и голос приобрел молодую звонкость.

– Если узнать, кому нужна эта фотография, то можно узнать, кто ее искал и кто убил того рыжего в твоей квартире, – почти мечтательно произнесла она.

Я закусила губу, чтобы не сказать вслух, что за каким чертом, собственно, ей-то, Надежде, это все надо, и не слишком ли много допущений? Ведь сама фотография ничего не доказывает – просто квадратик бумаги... Но эта женщина явно умела читать чужие мысли. Во всяком случае, со мной это у нее получалось.

– Мария, не смотри так недоверчиво, – сердито сказала она, – я тебе в матери гожусь. У тебя на лице написано, что я старая идиотка, начиталась детективов и на этой почве у меня слегка поехала крыша. Проще говоря, я все это высосала из пальца.

Я покраснела, но она предпочла этого не заметить.

– Тогда переходим к фактам. Бесспорный факт один – труп в твоей квартире. Поскольку ты его не убивала, это сделал кто-то другой. Если мы узнаем, почему, то узнаем, и кто.

– Вы говорите – мы?

– Ну да, ты что, не хочешь, чтобы тебе помогали? Ну как знаешь, – обиделась Надежда.

Я опомнилась и поняла, что веду себя по-свински. Не так много у меня осталось друзей, чтобы отмахиваться от помощи.

– Право, не знаю, – промямлила я, – все это так сложно и неожиданно. Вы уверены, что это не пустая трата времени?

– Там посмотрим, – с энтузиазмом ответила Надежда. – Приступаем к делу. Первое, что мне хотелось бы уточнить, – это когда фотография могла попасть в альбом. – Надежда еще раз внимательно осмотрела снимок. – Фото сделано на фирменной «кодаковской» бумаге – здесь на обратной стороне можно прочесть название. Фирменные пункты печати «Кодак» почти на каждом углу, так что бумага нам ничего не даст.

– Когда баба Варя показывала мне альбом, этой фотографии там точно не было. После ее смерти я выпросила альбом на память, но не сразу, а потом, когда мы переезжали. При

переезде, сами понимаете, все вещи были в полном беспорядке, и, как мне помнится, альбом лежал какое-то время в коридоре в старой квартире на телефонном столике. Я забрала его позже, уже после переезда. Так что в это время кто угодно мог положить ее в альбом, потому что тогда еще народ в ту квартиру на Марата ходил. Другой вопрос – зачем он стал бы класть в наш альбом свою фотографию?

– Зачем? – переспросила Надежда. – Чтобы ее спрятать. Конечно, лучше прятать современную цветную фотографию среди ей подобных, иначе она слишком бросается в глаза. Но возможно, у того, кто ее спрятал, не было выбора, он очень торопился, возможно, ему угрожала опасность. Но это уже из области чистых предположений. Значит, пять лет назад в альбом могла попасть подозрительная фотография, и с тех пор, как ты утверждаешь, альбом никто не открывал.

– Совершенно верно.

Надежда еще раз внимательно рассмотрела фотографию.

– А ну глянь-ка, тут на подоконнике какой-то цветок. Теть Тома, где у тебя лупа? – крикнула она в комнату.

Тамара Васильевна безропотно явилась на кухню, выдвинула ящик кухонного стола и нашла среди груды бесполезных мелочей, накапливающихся в каждом доме, большую лупу в металлической оправе. Надежда вооружилась лупой и через несколько минут напряженного разглядывания произнесла:

– Вижу, что кактус, а какой именно – не могу понять. Но все равно. Позвоню Сене Гурковскому, он большой специалист по кактусам, все про них знает.

– И зачем вам знать про кактус? – невежливо поинтересовалась я, потому что все Надеждыны манипуляции вызывали у меня недоверие.

– Затем, что раз уж мы приняли как гипотезу, что все, что изображено на фотографии, – правда, – терпеливо начала Надежда, – то хорошо бы узнать для начала, кто такая эта женщина. Умерла ли она или спаслась. Окно на снимке самое обычное. Без особых примет, могу сказать только, что оно находится в доме, построенном лет сто назад. А кактус – все же какая-то индивидуальная черта...

Не откладывая дело в долгий ящик, Надежда тут же набрала номер телефона своего знакомого специалиста по кактусам. Но тут нас постигло разочарование: Надежда не общалась с Гурковским около года, и оказалось, что судьба его сделала за это время крутой поворот: все семейство уехало на постоянное жительство в США.

– Ничего страшного, – не унывала Надежда, – придется обращаться в городской клуб, уж там наверняка помогут.

Лешка наелся у Тамары сладкого под завязку и вечером есть не просил, поэтому я с облегчением закрыла дверь на кухню. Голова немного прошла, настроение было, как всегда в последнее время, совершенно безразличным. Меня ничто не трогало – ни хорошее, ни плохое. Нельзя сказать, что бы я жалела себя – этого тоже не было, просто меня абсолютно ничего не волновало. По утрам мне не хотелось вставать, не хотелось умываться, есть, пить – словом, не хотелось жить. Если бы не Лешка... Я твердо знала одно: если меня не станет, с таким папочкой ребенок пропадет. Я не могу оставить ребенка на произвол судьбы, раз уж родила его.

В квартире было тихо, только из ванной доносился плеск: Лешка моется теперь самостоятельно, потому что у меня нет сил. Проходя мимо зеркала, я равнодушно скользнула по нему глазами. Мой бывший муж не нарочно орал, что я стала страшная, что смотреть на меня противно. Это верно: болезненная худоба, впалые щеки. Синяки под глазами. Волосы такие короткие, что даже расческа не нужна. После неудачных родов они стали так лезть, и в парикмахерской сказали, что если бы я промедлила еще немного, то осталась бы лысой.

Муж не стал бы прохаживаться насчет моей внешности, если бы знал, как мало меня это волнует.

Я села на диван и укрылась пледом. Однако если уж я решила продолжать такую, с позволения сказать, жизнь, то надо подумать, на что мы с Лешкой будем жить. Муж дает деньги только на Лешку, дает мало, а если мы будем продолжать ругаться из-за перстня, то он может и вообще перестать платить. Немного подбрасывают мои родители, но это тоже весьма нестабильно. Мать во всем обвиняет меня, говорит, что не надо было рожать второго, надо было вцепиться в мужа и держаться за него руками и ногами, раз уж я ничего не умею делать и не в состоянии сама себя содержать. Возможно, она права, но теперь ее советы помогут мне, как мертвому припарки. Следует срочно искать работу, но где? Специальности у меня никакой, после замужества я вообще не работала. Куда идти? В торговлю, в ларек? Там надо сидеть с утра до вечера, а мне не с кем оставить Лешку. Ни о какой физической работе не может быть и речи: я слишком слаба, вымыть пол в собственной кухне для меня огромная проблема. Кроме того, надвигается лето, врач при выписке из больницы сказал, что если я не проживу на даче хотя бы месяца полтора, то следующей зимой просто зачахну. У свекрови есть дача, но туда ни за что не поеду. И Лешку не пушу.

– Мама! – послышалось из ванной, разумеется, сын забыл полотенце.

Воды на полу было море. Я вытерла насухо сначала сына, потом пол, причем после этого пришлось посидеть немного в коридоре, опираясь о стену: голова кружилась, и перед глазами плясали красные точки. Какая уж тут работа, если малейшее усилие вызывает такие последствия!

– Иди ложись! – сказала я слабым голосом.

– Мам, ну ты же обещала! – канючил Лешка.

– Ну хорошо, хорошо.

Такой уж у нас уговор: когда он вымоется сам, мы играем в перстень. Лешка уселся в кровати, положив под себя две подушки, я залезла в кладовку и достала замшевый потертый мешочек, а из него – металлический ларчик. Пальцы мои неуверенно ощупывали крышку.

– Леша, попробуй сам. У меня опять не получается.

Лешка справился мгновенно – нажал крошечную пружинку, и ларчик раскрылся. Вот он, заветный перстень. Лешка в который раз уставился на него, как зачарованный. Камень был черно-дымчатый и какой-то глубокий. А вокруг столько всего! Лешка все смотрел и смотрел на золотых чудовищ и диковинные резные листья, а я погружалась в глубину камня...

– Мама, очнись! – звал Лешка.

– Да, сынок, начинаем.

И мы целый час придумывали с ним чудные истории про пиратов, про парусные шхуны, разбивающиеся о рифы, про сокровища, зарытые на необитаемых островах, про привидения в старых замках, про замурованных в стенах узников, про подземные ходы и прекрасных принцесс, томящихся в высоких башнях. Принцесса я добавляла лично от себя. Лешку больше интересовали пираты и оружие.

Сын заснул, я тоже улеглась, убрав перстень, но сон не шел, хотя я чувствовала себя очень усталой.

Как же мы с Лешкой будем жить дальше? У меня нет ничего, кроме этой запущенной квартиры на пятом этаже, где летом невыносимо жарко от накалившейся крыши, а зимой постоянные протечки. Ни одежды, ни мебели. Лешке я вяжу и перешиваю из старого, а недавно мать принесла целый пакет детского барахла от своей приятельницы. Свет не без добрых людей! Но, однако, всю жизнь побираться не будешь.

Может быть, продать этот чертов перстень? Вещь, несомненно, ценная, иначе мой бывший не стал бы так стараться. Получить много денег, поменять квартиру, найти для Лешки приличную школу... заняться своим здоровьем...

Но как конкретно можно это сделать? Если отнести перстень в антикварный магазин, то там обманут, обведут вокруг пальца, предложат гроши да и их не заплатят. Вид у меня сейчас нищий, что соответствует действительности, так что церемониться там со мной не станут.

Если же обращаться в музеи, в Эрмитаж, например, то там с людьми, что называется, с улицы, тоже не больно-то разговаривают, а знакомых у меня в антикварном мире нет. И потом, в музеях денег мало, так что настоящую цену там тоже не дадут.

Я вспомнила вдруг, как умирающая баба Варя шептала мне хрипло, что перстень особенный, что его нельзя продать или украсть, что он приносит счастье владельцу...

Не могу сказать, что перстень принес мне много радости, усмехнулась я про себя, но все же... Лешка так любит играть с ним, и баба Варя верила, что я сберегу ее талисман.

Ладно, решила я, засыпая, пока не буду ничего предпринимать, с голоду не умираем...

«...Не прошло и двух недель с того дня, как подарил я Франческе перстень, как она, девица убежала из дома отца своего с тем самым прескверным Джакопо Ченчи, который, снесшись с господином герцогом Висконти, бежал в Милан, опасаясь как и тех флорентийских бешеных, так и гнева мессера Джироламо. Тогда мессер Джироламо пришел ко мне в покои, обливаясь слезами, и сказал: „Отчего, дорогой мой Бенвенуто, отчего не можем мы вложить разума в сердца наших детей? Отчего все наши помыслы пустым для них звуком сказываются? Как желал я увидеть дочь свою Франческу твоею женою и внуков обнять! Но нет, не суждено тому было стать, и тот подлый Джакопо уговорил несчастную и увлек обманом. Прости меня, мой Бенвенуто!“ На те слова я отвечал: „Друг мой дорогой, мессер Джироламо! Только доброе видел я от тебя и только добром буду тебя вспоминать. Что же до той Франчески, так не стоит и говорить о ней. Женский разум – что июльский мороз. А тому Джакопо Ченчи только было счастья, что от вашей сердечной дружбы, за которую он вам недобрым отплатил“.

И по моим словам так и вышло: того же года тот прескверный Джакопо герцогу Висконти не угодил, и тот изгнанию его подверг за все его злое. А будучи изгнан, попал Джакопо в руки бешеных, и они всяческим наказанием его подвергли, и оных не снеся, Джакопо умер. Тогда же подумал я: отчего такое несчастье при-чинилось оному Джакопо, коли перстень мой должен, по словам того иностранного графа, одно счастье владельцам его приносить? Однако же после доходят до меня слухи, что донна Франческа, мессера Джироламо беглая дочь, живет с господином герцогом Висконти, отчего и приключилось изгнание того презлого Джакопо. И сказывали, что герцог души в ней не чаёт и осыпает ее дарами и милостями, так что перстень и правда может счастье приносить, только имени доброго не убережет.

Я же сам, в сильное огорчение впав, снесся с Его Святейшеством и получил от него весьма ласковое письмо и прелюбезное приглашение, через которое я очень был напуган, как бы то письмо не попало к сказанным бешеным, что могло бы мне немало несчастий причинить. Тогда пришел я в покои мессера Джироламо и, поклонившись ему, все рассказал. И тот мессер Джироламо, любезный мой друг, очень огорчился, но, однако же, сказал: „Любезный Бенвенуто! Коли призывает тебя Его Святейшество, так не может быть для тебя лучшего, как поспешить в Рим. Я же помогу тебе, чем сумею, и помнить каждодневно буду в каждой своей молитве и в каждом помышлении“.

И оный добрый мессер Джироламо дал мне лошадей и всего потребного в дорогу, и письмо к другу своему в Риме мессеру Джанбаттиста Преста. И той же ночью покинул я Флоренцию, где немало сделал хороших работ и где оставил друзей, о коих и сейчас часто вспоминаю...»

Надежда Лебедева была натура увлекающаяся. Кроме того, в ее характере присутствовало такое ценное качество, как умение доводить до конца любое начатое дело. Странная фотография сильно ее заинтересовала. Поэтому, пораскинув мозгами и порывшись в запис-

ной книжке, она поняла, что прямого выхода на общество кактусоводов у нее нет и надо обращаться за помощью к мужу. Потому что если она придет туда просто так, с улицы, то никакой нужной информации не получит – сейчас нигде не доверяют посторонним. А она даже не может предъявить там какое-никакое удостоверение – что она, допустим, из газеты или из милиции. Хотя нет, про милицию лучше не надо, многие люди на милицию плохо реагируют и, что знают, не скажут. Нет, надо действовать старым проверенным методом – через знакомство. Но вышло так, что нет у нее знакомых кактусоводов. Поэтому необходимость обратиться за помощью к мужу ее не то чтобы расстроила, но несколько насторожила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.